ВОЛЬНЫЙ МОРЯКЪ ГЕРАСИМОВЪ.

Мѣщанинъ Матвѣй Герасимовъ ходилъ на вольныхъ судахъ по Бѣлому морю и перевозилъ хлѣбъ и другой купеческій товаръ. Бывали у него когда то и свои суда, но сокрушались одно за другимъ: бѣда ровно по пятамъ за нимъ ходила. Обѣднѣвъ, онъ пошелъ въ шкипера на чужія суда. Въ 1810 году, когда у насъ былъ разрывъ съ Англіей, онъ отправился изъ Архангельска въ Норвегію — а что случилось съ нимъ на пути, о томъ самъ онъ разсказываетъ такъ:

Въ іюлѣ вышелъ я изъ Архангельска, на купецкомъ суднѣ Поповыхъ, по имени Евплъ–второй, и пустился съ грузомъ ржи въ Норвегію. На Евплѣ, кромѣ меня, былъ штурманъ, изъ отставныхъ флотскихъ, да 8 русскихъ же вольныхъ матросовъ.

Не доходя до мыса Нордъ–Капа, увидѣли мы 19–го августа военный фрегатъ, которой подошелъ, легъ въ дрейфъ и спустилъ шлюпку; она подошла къ Евплу и офицеръ кричалъ что то на непонятномъ

мнѣ языкѣ; я легъ въ дрейфъ, и офицеръ съ пятью матросами взошли ко мнѣ на судно; это были англичане. Они безъ околичностей стали къ рулю и парусамъ и взяли корабль нашъ въ свое управленіе. Англійскіе матросы обыскали насъ и отняли у меня деньги. Противиться имъ мы, какъ безоружные, не могли, да и фрегатъ англійскій лежалъ рядомъ съ нами въ дрейфѣ, а за нимъ показался еще фрегатъ.

Меня взяли на шлюпку и представили, съ бумагами, какія при мнѣ были, на фрегатъ; но объясниться не могли мы и тамъ — ни они не знали по русски, ни я по англійски.

Вечеромъ меня опять отвезли на мое судно; тамъ засталъ я изъ своихъ только штурмана, боцмана, однаго матроса и юнгу; прочіе шесть увезены были англичанами. За то они на Евплѣ оставили, изъ своихъ офицера и семь матросовъ; да съ моего судна взятъ былъ на фрегатъ бакштовъ.

До 23–го августа тащили насъ такимъ порядкомъ, а между тѣмъ фрегатъ скрылся. Наше судно пораздергало качкой и въ немъ оказалось до четырехъ футовъ воды.

Вѣтеръ былъ очень свѣжій; мы крѣпко осаживали собою англійскій фрегатъ и потому рѣшился онъ бросить бакштовъ и приказать своему офицеру, лейтенанту Корбету, итти съ Евпломъ въ Англію самому, для чего прибавили намъ еще двоихъ изъ лучшихъ матросовъ моихъ.

Такимъ образомъ плыли мы, подъ управленіемъ англичанъ, еще четверо сутокъ. Тяжело стало у меня на–сердцѣ, что идемъ мы въ плѣнъ и что пропадетъ и корабль хозяйскій и товаръ. Подумавъ, я положился на помощь Божію и сталъ уговаривать товарищей своихъ, всего пятерыхъ, избавиться отъ плѣну, толкуя имъ, что сдѣлать это, коли Богъ попуститъ, можно; матросы согласились, но штурманъ опасался неудачи и никакъ не соглашался. Я уговорилъ товарищей сдѣлать дѣло безъ него, оставивъ также и юнгу нашего, который былъ боленъ.

30–го августа въ 5 часовъ утра, когда офицеръ и шесть англійскихъ матросовъ всѣ спали въ каютѣ, а одинъ только стоялъ на часахъ, мы подошли тихонько къ каютѣ,

заперли ее, заколотили запоромъ, а сами, кинувшись на оплошнаго часоваго, столкнули его за бортъ.

Сдѣлавъ это, мы спустились при попутномъ вѣтрѣ къ норвежскимъ берегамъ. Мы остались, для управленія рулемъ и парусами, всего самъ–пять. Англичане, проснувшись, начали всѣми силами ломиться изъ каюты, мы стращали ихъ крикомъ и показывали, въ угрозу, оружіе; уходившись и отощавъ, они стали просить воды и пищи, которую мы имъ и подавали съ осторожностію. Долго они, какъ видится, все еще надѣялись выломиться изъ–подъ запоровъ и одолѣть насъ силой, и даже нашедши въ каютѣ старое долото, сняли его съ черена и какъ–то ухитрились изъ трубки его выстрѣлить. Мы на это стали грозить имъ ихними же ружьями, которыя они по неосторожности оставили при своемъ часовомъ, на верху. Наконецъ мы выморили ихъ голодомъ и жаждой и они покорились. Тогда мы дѣлали мѣну: за бутылку воды, они передавали намъ по двѣ и по три бутылки вина и рому,

который остался въ низу и былъ заколоченъ вмѣстѣ съ плѣнниками.

Въ такой нуждѣ и тревогѣ, а отчасти и въ страхѣ, чтобы семеро плѣнниковъ нашихъ не вырвались, тогда какъ у насъ почти ничего не было для защиты, да и на штурмана и юнгу не было надежды въ помощи — въ такой тревогѣ достигли мы наконецъ датскихъ береговъ, пришедши къ приморскому городку Вардгузу. Я съѣхалъ на берегъ, явился коменданту и расказалъ дѣло наше; здѣсь я таки могъ объясниться, потому что въ походахъ своихъ по мурманскому берегу наметался въ норвежскомъ языкѣ, а онъ датскому близокъ.

Комендантъ прислалъ со мною на судно унтера и десятокъ солдатъ; при нихъ я отперъ дверь каютную. Вышелъ напередъ офицеръ и отдалъ мнѣ шпагу свою, кортикъ и кинжалъ, а также англійскій флагъ, взятый имъ съ собою, для подъема, въ случаѣ нужды, на нашемъ суднѣ. Затѣмъ вышли по одиначкѣ и матросы, и всѣхъ ихъ датская военная команда приняла и увезла

въ городъ. Комендантъ выдалъ мнѣ свидѣтельство въ полученіи отъ меня плѣнниковъ; а я, простоявъ за противными вѣтрами еще дня четыре, снялся съ якоря и благополучно пришелъ въ Колу.

Это показаніе, подписанное также боцманомъ Иваномъ Васильевымъ и матросами: Петромъ Петуновымъ, Ѳедоромъ Пахомовымъ и Михайломъ Сусловымъ, подалъ Герасимовъ кольскому городничему, представивъ свидѣтельство объ отдачѣ семи плѣнниковъ своихъ, и просилъ позволенія выгрузить рожь, которая отъ большой воды въ трюмѣ подмокла.

Государь пожаловалъ мѣщанину Герасимову солдатскій Георгіевскій крестъ, за смѣлость, рѣшимость и храбрость его. Флагъ и шпага англійскаго офицера, отобранные вначалѣ у Герасимова, были ему опять выданы начальствомъ, для храненія на память этого подвига у себя и у потомковъ своихъ; кортикъ же хранится и теперь въ артиллерійскомъ арсеналѣ архангельскаго порта.